

ХЕЛЮ РЕБАНЕ

ПУБЛИЧНОЕ СОКРОВИЩЕ

Хелью Ребане
Публичное сокровище.
Повесть. Только для женщин

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38569666
ISBN 9785448599163*

Аннотация

Хелью Ребане, известная как автор коротких рассказов, написала повесть, адресованную исключительно женщинам. «Мужчин прошу эту книгу не читать. Мы, женщины, тут между собой о нашем, о сокровенном. Мы, в свою очередь, обязуемся не читать книги про футбол и рыбную ловлю». Х. Ребане

Содержание

Август 2000	5
1	5
2	11
3	15
4	18
5	28
6	36
7	49
8	63
9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Публичное сокровище Повесть. Только для женщин

Хелью Ребане

Дизайнер обложки Наталья Баженова

© Хелью Ребане, 2018

© Наталья Баженова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-9916-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Август 2000

1

Это лето в Москве было похоже на осень.

За окном вторую неделю хлестал дождь, даже днем приходилось включать свет в квартире. Первое лето нового тысячелетия...

В тот вечер я стояла в темноте у распахнутого настежь окна кухни, за которым мокли под дождем две старые плакучие березы, и смотрела вниз, на мокрый, освещенный уличным фонарем, асфальт перед подъездом. Стол в комнате был давно накрыт, но Стаса все еще не было.

В голове у меня тупо крутилось: «Я купила тебе „Боржом“ в стекле. Ты просил – я купила».

Где-то поблизости из темноты раздавались глухие удары – сносили соседнюю пятиэтажку. У строителей начался аврал, они работали теперь и по ночам.

Вам приходилось видеть когда-нибудь дом, подготовленный к сносу? Как он стоит, зияя окнами, уже без стекол? Есть в этом зрелище что-то невыразимо щемящее...

С самого утра я нервно ходила по дому, у меня всё валилось из рук. «Я как самолет, попавший в Бермудский треугольник», – думала я. «Говорят, у него отказывают прибо-

ры, и он начинает блуждать, пока не сгинет совсем».

Днем я сбегала под проливным дождем к метро. Купила в ларьке с вывеской «Лучшие цыплята России» цыпленка-гриль и две бутылки минеральной воды. Там я и услышала, как продавщица спрашивает кого-то в глубине ларька: «Боржом в стекле есть?»

«Клеопатра! Не плачь обо мне. Только фары машин, проезжающих мимо...» Бред какой-то лезет в голову.

Причём здесь Клеопатра? Впрочем, «в сте-кле» и «Кле-опатра...»

Он не придет, пронзило меня вдруг. Это знание, именно *знание* озарило меня внезапно, как непреложный факт. *Он*

сейчас с другой.

Минуточку... Это же *не доказано!* Я бросила еще раз взгляд вниз, отошла от окна и выключила радиоприемник, где музыку сменили всё те же печальные новости про подводную лодку «Курск».

Нет, звонить ему не буду. *Ни за что*, решила я, и через секунду направилась к телефону. На службе, где он обычно задерживается допоздна, номер не отвечал. А мобильный телефон безучастным женским голосом сообщил, что абонент временно недоступен. Мое порой чересчур богатое воображение нарисовало отчетливую картину, чем он *временно* занимается, пока недоступен мне.

«А чего же ты хотела? – спросила я себя, налив в бокал „Бордо“ и нервно вгрызаясь в румяную ножку лучшего цыпленка. – Чего ты ждешь от человека, который уже двадцать лет назад сказал, что любовь – это *болезнь*? Цинизм с годами крепнет... впрочем... наверное, он прав. Любовь – *болезнь*. Любовь – капкан. И тебе, *дорогая эсенищина*, следует вырваться из капкана...»

Я вздрогнула – зазвонил телефон. Кинулась к аппарату. Не сразу узнала глухой как из подземелья, голос... *Не он*. Звонил мой сын, из Америки. Так поздно... Что-то случилось? Ах да, сообразила я, ведь у них там сейчас утро.

– Мать, как ты там? – бодро спросил сын.

– Все хорошо! – тоже бодро ответила я. Не жаловаться же сыну на Бермудский треугольник. – А ты там как? Что дела-

ешь?

– Иду по берегу океана, светит солнце. Чудесное утро.

Я отчетливо представила себе сына, океан. Сын шел головой вниз, ногами вверх. Потому, что Америка на противоположной стороне земного шара. Я его именно так себе представляю, когда он там.

– И птички поют? – спросила я.

– Поют! И акулы в океане плывут. Что-то случилось? Голос у тебя какой-то странный.

– Все хорошо. Только...

– Что только?

– Да так. Дожди, грозы... В Калужской области даже смерч был. Представляешь – поднял в воздух и унес башенный кран.

– Мать... я вот что подумал. У тебя же только что был день рождения. Может, тебе путевку подарить? Во Францию, например... Что ты молчишь?

– Заманчиво... Только может быть, лучше в Турцию? Франция – дорого очень.

– Никаких турций, поедешь в Париж, – сказал сын и повесил трубку.

«Нет, ну какой у меня сын. В прошлом году уже дарил на день рождения путевку в Париж... А вот для Стаса ты – женщина без дня рождения. Да, надо поскорее уехать и забыть... Уеду, а там... Что там? Французский любовник, вот что. Нет, как правильно? Любовник – француз. Ну, да, ко-

нечно... Ты ведь Стасу даже изменить не сможешь».

«И сдался ему твой день рождения, о котором он понятия не имеет, когда же бывает это не-событие, – думала я, уже лежа в постели, – если его не встревожил даже день твоей вполне возможной смерти. Он и не подумал позвонить, когда потерпел крушение паром „Эстония“, погибло около тысячи человек. Второй „Титаник“... Конечно, мы тогда уже расстались, но я бы позвонила... знать, что тебя не любят, – мало. Надо в это еще и *поверить*. А я не верю. Никто не верит, если любит».

Мысли мои путались, пока, наконец, спасительный сон не избавил меня от горького комка в горле.

2

– Гостиница «две звезды» – это, конечно, уже край. То, что я называю «вопиющая скромность», – говорил Сергей, менеджер турфирмы «Ривьера», закрывая форточку, откуда в комнату на подоконник, заваленный папками, полетели брызги внезапно усилившегося дождя.

Этот молодой мужчина оформлял мне путевку в Париж и в прошлом году. Он меня тогда удивил, сказав: «Париж – город маленький». И, как и тогда, я снова подумала: «Как же он похож на Юрку!». На мою первую, школьную любовь...

– Ну, где мы возьмём сейчас приличную гостиницу в Ницце? Самый сезон! – продолжал он, снова усаживаясь за стол, и испытующе глядя на меня красивыми юркиными глазами. – В августе там всё забито. Зато в Париже мы подобрали для вас отличную гостиницу, «Резиданс Клебер». Шестнадцатый округ! Самый фешенебельный район Парижа. Неподалеку Эйфелева башня. А вместо Ниццы берите Канны. Есть отличная гостиница. До Ниццы пятнадцать минут. Можете хоть каждый день ездить.

Канны... Кинофестивали. Ну и что? Название этого города ничего не говорило моему сердцу. А Ницца... мечта... Согласна на «вопиющую скромность».

– Билеты на самолёт есть только на конец августа. Что будем делать?

Уже прошло два дня, а от Стаса ни звонка, ни извинений. Прочь отсюда! Чем быстрее, тем лучше. Что ж, поеду через Таллинн. Навещу маму, съезжу оттуда в Ригу по делам, а в Париж полечу уже из Таллинна.

Сергей позволил мне позвонить от них в таллиннскую турфирму, забронировать билеты на самолет Таллинн—Париж.

– Когда вернетесь, позвоните мне, пожалуйста, – попросил он, заглянув мне неожиданно как-то *особенно* в глаза. – Расскажите о гостинице «Нормандия», хорошо? Мы обычно ездим в ознакомительный тур, надо иметь представление о том, что мы рекомендуем клиентам, а вот там я никогда не был.

– Обязательно позвоню.

Словно с Юркой поговорила...

Из турагентства я вышла около шести часов вечера, повторяя, как заклинание: «Резида-анс», «Клеб-еер». Спустилась в метро на «Пушкинской». Поколебалась, не зайти ли мне к знакомым в магазин «Берегите голову», который находился тут же, в подземном переходе. Забрать остатки товара. Два года назад, во время дефолта, мой «бизнес» в одночасье рухнул. Я хотела сделать полный возврат, чтобы взять какие-нибудь сувениры с собой в поездку, но обнаружила,

что забыла дома квитанции. *К счастью.*

Перестройка в стране не только позволила всем заниматься мелким «бизнесом», но многих просто вынудила. Бывшие инженеры из исчезнувших, или же попавших под сокращение, НИИ занимались теперь, кто во что горазд. Многие – частным извозом. Кто-то шил на дому и продавал в подземных переходах у метро свои изделия. Самые предприимчивые ездили «челноками» в Турцию и Китай.

Теперь верилось с трудом, что в советское время за частное предпринимательство была суровая статья уголовного кодекса вплоть до расстрела. В новое, *антисоветское* время многие люди с высшим образованием превратились в *деклассированный элемент*. Это словосочетание мне запомнилось из курса истории партии в университете. Правда, под ним подразумевались оборванцы времен Октябрьской революции. Но я чувствовала, что оно вполне уместно, когда бывший «завгруппы» или старший инженер солидного института торгует на вещевом рынке турецкими кожаными куртками. Свой «бизнес» я, тоже деклассированный элемент, мысленно называла «ab ovo», так как начало ему положило расписанное мной деревянное яйцо. Звучит красиво. Но сути это не меняет.

Бизнес как луна, если не убывает, то растёт. Мой все разрастался и наступил момент, когда я стала просто поставщиком сувениров. Но дефолт девяносто восьмого года вернул все на круги своя. Мелкие «бизнесмены» и «бизнесвумены»

после него уже не оправились. Именно в тот день, 19 августа два года назад, после десятилетнего перерыва мы снова встретились со Стасом.

Я столько раз переигрывала дату нашей новой встречи... Мне так хотелось, чтобы это был какой-нибудь важный день, например день его или моего рождения, новый год... А получилось – *дефолт*.

В вагоне я втиснулась на сиденье между читающей женщиной и мирно посапывающим подвыпившим работягой. На следующей станции полвагона вышло. Напротив меня уселась девушка с маленькой лохматой собачонкой. Умильная мордашка собачки выглядывала из плетёной сумки. Поезд тронулся, собака занервничала и вылезла из сумки девушке на колени. Худенькая, лохматенькая. Сосед-выпивоха проснулся и перестал валиться на меня. Удивленно таращась на собачку, он громко, на весь вагон, произнес:

– Надо же, какой «кабыздох»!

Хозяйка собаки покраснела.

– Слышь, – продолжал мой сосед, обращаясь к ней, – это что за порода такая?

Девушка молча потупилась.

– Не хочешь говорить, не надо, – миролюбиво отступил сосед, закрыл глаза и снова доверчиво склонил голову мне на плечо.

3

Дома, включив телевизор, я обомлела. Шли новости. Из выхода метро «Пушкинская» валил густой дым. Из дымовой завесы появлялись пошатывающиеся люди в окровавленной одежде. Кого-то бегом выносили на носилках. Какого-то мужчину расплющило и припечатало к обгоревшему ларьку в подземном переходе. Как я узнала уже потом, в магазине «Берегите голову» во время взрыва вниз посыпались осколки зеркального потолка. Как назвали, так и получилось... Повезло, что в магазине не было покупателей. Какое счастье, что я забыла дома квитанции...

Перед сном, в постели, меня кольнула мысль – мама не позвонила. Чтобы узнать, уцелела ли я. Трагическая новость облетела уже весь мир. Значит, и Таллинн тоже.

Из беспокойного сна с кошмарами меня освободил звонок телефона.

– Сильви, привет! Извини, в понедельник не смог приехать. Целых два часа искал ключи от машины. Представляешь, в кармане пальто была дырка, и они провалились за подкладку. Потом было уже поздно. Не хотел тебя будить.

Нет, *не представляю*... Сейчас тоже *поздно*, но разбудил. Пальто – в проливной дождь? Потерявшиеся ключи в качестве аргумента уже фигурировали. Кроме того, после понедельника были еще вторник и среда. Значит, приехать по-

мешала дырка... Вот что, *милый*, сегодня ты действительно позвонил слишком *поздно*. Лучшие цыплята уезжают завтра в Таллинн. Оттуда улетаю в Париж.

– Если не спишь, я сейчас приеду.

Следовало бы хладнокровно сообщить об отъезде и повесить трубку. Но... тот человек, наклонившийся к окошку ларька в подземном переходе. Он хотел что-то купить и вот... На его месте могла быть я. Мог быть Стас. Как все ничтожно в сравнении с этим.

– Не сплю, – ответила я сухо. – Я же с тобой разговариваю.

– А может, ты во сне разговариваешь.

Не смешно.

– Ты уже знаешь, что случилось на «Пушкинской»? – спросила я. – Я там была всего за полчаса до взрыва.

– А... да, – сказал он. – Сволочи.

Мы лежали в обнимку в темноте. В углу комнаты на экране телевизора снова мелькали жуткие кадры. Стас, горячий, безмятежный, *надежный*, был рядом. Когда он со мной, я чувствую, что он надежный...

– Я хотела бы, чтобы ты был рядом, когда я буду умирать, – сказала я. – Знаешь... в те годы, что мы не виделись, я как-то раз попала в инфекционную больницу. В палате на соседней кровати умерла старушка. Дочь привезла ее в боль-

ницу, но в момент смерти ее, естественно, там не было. Я лежала и думала о том, что так неправильно. Умирать в одиночестве. Что для меня и смерть не была бы страшна, если бы ты сидел рядом и держал меня за руку.

– Верю, – сказал он, словно мы участвовали в передаче «Блеф-клуб». Но это «верю» умилило меня, как умиляет первое слово ребенка. Первое «верю» от него за два года, что мы снова были вместе. После десятилетнего перерыва я застала его, не верящим уже ни во что. А самое главное – не верящим *мне*.

Было далеко за полночь, когда я, в ночной рубашке, вышла в прихожую его провожать. Я сожалела, что оплатила путевку. Как сказать ему об этом?

Прижав голову к его широкой груди в голубой, хорошо отутюженной сорочке, я начала:

– Знаешь...

И тут мне вспомнился понедельник, горькое бесплодное ожидание. Я невольно всхлипнула. Он резко отстранился.

– Тушь, – сказал он. – Запачкаешь мне рубашку. Это может меня скомпрометировать.

Слезы мои мгновенно высохли.

Нет, не буду ему ничего говорить. Уеду. Навсегда.

Верхние места в поезде пустовали. Совсем недавно, когда Эстония была еще советской республикой, между столицами курсировали три, всегда переполненных, поезда. Во время «перестройки» отменили сначала самый медленный и дешевый поезд, который шёл через Печоры. Затем один из двух поездов через Нарву. Билеты подорожали. Поток пассажиров превратился в хилый ручеек. Внезапно распахнулись ранее наглухо заколоченные двери в Европу. Поток хлынул туда. На Москву остался только фирменный поезд «Эстония».

Ездили теперь в основном, бизнесмены. И строители. Из Эстонии на заработки в Россию. Эстонцы ценились в России так же высоко, как финны.

Состав вздрогнул, перрон медленно поплыл назад. Зная, что сейчас появится проводница и попросит загранпаспорт, я достала из сумки небольшую «походную» сумочку, которая всегда лежала у меня дома наготове. И что же? Первым делом наткнулась в ней на пачку фотографий Стаса. Я уже и забыла, что положила их туда заранее, чтобы показать кузине, когда буду в Таллинне. Теперь я не стала бы брать их с собой. Зачем беречь душу. Впрочем, они мне тут же пригодились.

Мой попутчик, жгучий брюнет средних лет («копия – Будалай из сериала „Цыган“, – подумала я, – и на Карла Маркса

тоже похож, такая же борода»), достал из потертой спортивной сумки бутылку «Столичной», копченую курицу в просаленной бумаге и два пластиковых стаканчика. Плеснув себе, и (не испросив разрешения) мне, водки, он сообщил, что возвращается с заработков из Сибири.

– Полгода дома не был. – Он кивнул в сторону бутылки: – Поехали!

Неприятности, подумала я, наблюдая за тем, как он одним махом опрокинул стаканчик и тут же налил себе следующий. *Они меня ждут.*

В дверях купе появилась деловитая проводница в синей униформе, забрала наши паспорта и билеты и пошла дальше.

– Вы замужем? – спросил «Маркс-Будулай». – Пейте же!

– А вы как думаете? – игнорируя предложение выпить, спросила я.

– Нет, – отрезал он.

– Почему? – удивилась я.

– Вы слишком красивая, – доверительно сообщил он, нагнувшись ко мне поближе.

Странный аргумент. А что, красивым – одна дорога – на панель? Да и льстит он...

– Кольца на руке нет, – продолжил свою мысль визави, поправил мне причёску (от неожиданности я оторопела), схватил меня за голую в этом смысле руку и неуклюже чмокнул ее.

– Но у меня есть друг! – воскликнула я, выдернув руку

из его горячих крепких ладоней. – Очень ревнивый!

Ага. *Ревнивый*. Плевать Стас хотел на меня и на мою грядущую измену (интересно, с кем это).

– Он ничего не узнает, – заверил мой раскрасневшийся визави, расстёгивая воротник синей клетчатой рубашки.

– Зато буду знать я.

Эти слова так поразили «цыгана-Маркса», что он подался назад, откинулся на спинку сиденья, перебросил ногу на ногу, и изучающе уставился на меня.

Мгновенно, как картежник выкладывает на стол козырно-го туза, я извлекла из сумочки фотографии Стаса, сунула их под нос «Будулая» и, с ничем не обоснованным (в свете последних событий) энтузиазмом, сказала:

– Вот он! Правда, красивый?

Под неумолимый стук колес я принялась взахлёб расписывать достоинства моего неверного друга, исподтишка наблюдая за попутчиком. Мои слова подействовали на Будулая, как холодный душ. Он продолжал хлестать водку и рвать на части копчёную курицу, не посягая больше на мои руки и кудри.

Я отвернулась к окну. Интересно, когда меня хватится Стас, – размышляла я, глядя на унылый пейзаж за окном.

Промелькнули скучные дома спальных районов, промелькнула останкинская телебашня. Мне вспомнилось давнишнее интервью с ее конструктором. Башня держится на множестве стальных тросов, протянутых внутри. Долгое

время инженер-новатор по утрам первым делом подходил к окну, чтобы убедиться, что она все еще стоит. А что с ней может случиться. Стоит уже более тридцати лет, и стоять будет...

Через два часа – первая остановка на пути из Москвы в Таллинн – Тверь. Еще совсем недавно город Калинин.

В советское время пределом мечтаний высоких партийных чинов было, чтобы в их честь назвали город. Старинный город Тверь переименовали в Калинин. А теперь вернули историческое название. Да уж. Ученым быть гораздо лучше, чем политиком. Политика то и дело меняется, а теорема Пифагора – никогда...

В дверь нашего купе громко постучали и резко отодвинули ее в сторону. В купе вломились две низкорослые плечистые женщины в мокрых от дождя черных «дутых» куртках, волоча за собой вместительные клетчатые баулы.

– Здравсти! Хрусталь нужен? Недорого! – начали они наперебой тараторить.

Ни год, ни еще секунду назад хрусталь мне не был нужен, но я тут же повернула свой любопытный нос к пакетам и попросила показать, что у них там.

Женщины принялись разворачивать сверкающие бокалы и рюмочки, попутно поясняя:

– Мы из Гусь—Хрустального. Получку нам уже третий месяц подряд выдают хрусталем. Приходится самим его продавать.

Зарплата хрусталем? А на ювелирном заводе, наверно, золотыми сережками?

Женщины с робкой надеждой наблюдали, как я верчу в руках пузатую рюмку.

– Купите! Не пожалеете!

Не знаю, в чем тут дело, но я вечно покупаю всё, что мне навязывают. А в *новое* время, когда народ повально кинулся торговать, к вам буквально на каждом шагу пристают с просьбой купить самые неожиданные вещи. В метро я приобрела с рук книгу Рона Хаббарда «Дианетика», утверждающего, что эмбрион в животе матери чуть ли не с момента зачатия всё прекрасно слышит и запоминает. Отсюда, якобы, и комплексы. Я зачем-то даже дала навязчивому продавцу номер моего телефона. Ну, а как же! Ведь он попросил! Потом года три никак не могла отделаться от приставучей банды дианетиков. Еще я купила в метро подозрительного вида помаду, твёрдокаменную пудру, ненужные мне отрывные календари. Моя бывшая сотрудница по нашему, приказавшему долго жить, НИИ, всучила мне... ну, хорошо, уговорила меня купить комплект эмалированных кастрюль. Ведь она теперь, как она выразилась, *дилер. Дилер кастрюль*. Ну, в таком случае, я тоже дилер. Стекланных гравированных яиц, копий изделий знаменитого Фаберже. К тому же еще и *коммивояжер*. Ага! Звучит гордо. В советское время обозвали бы нас спекулянтками и упрятали бы за решётку. Учитывая общий размах дозволенной теперь торговли, полстра-

ны сидело бы. Но тогда были иные правила игры.

Не без труда, но сыну всё же удалось отговорить меня от приобретения акций Мавроди, которые навязывали прохожим у выхода из метро «Красные ворота» бойко щебечущие юноши и девушки...

«Будулай» кинул равнодушный взгляд в сторону хрустальных рюмок и отвернулся к окну. Ну да, у него же имелись пластиковые стаканчики.

Мне не хотелось огорчать этих женщин. Куплю, решила я. Подарю маме.

Когда поезд снова тронулся, мы с «цыганом» застелили постели. Он вышел, я переоделась и легла, отвернувшись к стене, чтобы он тоже мог раздеться. Потом, включив маленькие светильники в изголовье, мы, словно старинные друзья, стали мирно беседовать. Мне уже не раз удавалось перевести сугубо мужские намерения в дружбу.

Я поинтересовалась, как ему (с его-то буйным темпераментом!), живется вдали от семьи.

– Деньги есть – всё есть, – слегка заплетающимся языком изрек он. – В Сибири мне платят тысячу баксов в месяц. Сваи забиваю. За стольник там легко найти себе женщину. Одиноких – пруд пруди. Впрочем, как и везде. Есть у меня подруга. Готовит хорошо, стирает... всё делает.

Он сделал при этом такой царственный жест рукой, что моему мысленному взору предстала выстроившаяся под вековыми сибирскими соснами длинная, как в общественный

женский туалет, очередь женщин, рвущихся *сделать всё* для Будулая.

Вот он, мужской взгляд на вещи. Эта ли *подруга*, другая ли... Какая разница! Главное, во сколько обойдется *любовь*. И Стас мыслит так же. Что-что, а деньги считать он умеет. «Вот поэтому он с тобой, *дорогая* женщина – мысленно вздохнула я. – Значит, не зря есть такое китайское проклятие: „Чтоб тебе в следующей жизни родиться женщиной!“ Ничего не скажешь, правильное. Нет уж. Я избавлюсь от этого наваждения. Я задушу тебя, любовь, как цыпленка. Ну и что, что *лучшего*...»

Мой попутчик захрапел, а у меня, где-то на тонкой грани между сном и бодрствованием откуда-то снова всплыло: «Я купила тебе боржом в стекле. Ты просил, я купила...»

В четыре утра в купе постучалась проводница: «Туалеты закрою на два часа! Скоро граница!».

С тех пор, как распался Советский Союз, и Эстония отделилась, естественно, появилась и государственная граница с Россией.

Там, где раньше поезд стоял семь минут, теперь – почти два часа. Сначала на одном берегу неширокой реки Нарвы, в российском Ивангороде. Потом, переехав через мост, ещё час – на другом берегу, в эстонской Нарве.

Пассажиры проснулись и толком не одевшись, поспешили в туалеты.

Пограничники, таможенники, дряхлый толстый лабрадор,

дружелюбно ищущий наркотики, пограничник, вежливо попросивший меня встать, чтобы проверить, не прячется ли кто-нибудь под нижней полкой. Все они прошли мимо меня, полусонной, после их ухода снова засыпающей и просыпающейся при появлении новых чиновников в униформе.

Я взяла с собой для поездки во Францию несколько больших стеклянных яиц с гравировкой, копий восхитительных изделий старинной фирмы «Карл Фаберже». Купила в оптовый день на вернисаже в Измайлове. Этот *новодел* не заинтересовал таможенников. Они искали старинные иконы, наркотики, оружие. Даже открутили потолок нашего купе. Но там, увы, было пусто.

Наконец, около шести утра *по Москве*, колеса принялись снова отбивать бодрый ритм. До Таллинна оставалось четыре часа езды. Я перевела стрелки назад, на восточно-европейское время, и выиграла целый час жизни.

Уже ближе к прибытию, встала, умылась в тесном туалете, переделась, собрала и отнесла постельное белье проводнице. Я прекрасно знала, что это ее обязанность. Но, как всегда, *вошла в ее положение. Нас много, а она одна, трудно, что ли?*

Будулай, с утра понурый и помятый, тоже встал. Мы пили противный растворимый кофе, который принесла проводница, и смотрели в окно. Мимо теперь проносились эстонские леса, ничем не отличающиеся от российских.

В России береза считается неким сугубо национальным

деревом, но берёзы растут и в Эстонии. И песни про березу как символ родины, есть. Очень красивые. Впрочем, уже начиная с царского времени, Эстония не раз жила под правлением России. У стран было, так сказать, единое пейзажное пространство.

Время от времени за окном мелькали маленькие города, мои старые знакомые. Бывала там. Давно... В Нарве, в Йыхви, в Раквере... В Тапа как-то раз холодным зимним утром в баре ждала пересадку, и там подали вкусные горячие сосиски с капустой... А в Йыхви... в очаровательном маленьком кафе – изумительные горячие булочки... Почему-то все мои воспоминания были... *съедобные*.

Вдруг мимо пронеслось жуткое кирпичное здание. В красных стенах – зияющие глазницы окон с выбитыми стеклами. Словно и здесь подложили взрывчатку, как на «Пушкинской».

– Что это? – спросила я попутчика.

– Таллиннский мясокомбинат, – ответил угрюмый и несчастный с утра «цыган». – Обанкротился во время перестройки. Теперь всю Эстонию снабжает новый, раквересский мясокомбинат.

Вот как... новое время и новые сосиски.

А вот и шпили старого города! Башня Длинный Герман... Приехали! Я встала и наклонилась над столиком, высматривая в окно среди встречающих на перроне, маму.

– Но все равно – вы очень красивая женщина, – вздохнул

«Будулай» у меня за спиной.

Сама я, положим, не считаю себя *очень* красивой, но зачем же отказываться от комплиментов?

– Обязательно скажу об этом маме, – пообещала я, на мгновение повернувшись в его сторону. Его карие глаза смотрели на меня чуть ли не умоляюще.

– Дайте мне ваш телефон, – сказал он, – ...пожалуйста.

– У вас есть жена, – строго напомнила я.

Пожелав «цыгану» всех благ, я схватила свой чемодан на колёсиках и ринулась к выходу.

В Таллинне моросил дождь.

– Здравствуй! О! Какая у тебя красивая куртка! – воскликнула мама, когда я вышла на мокрый от дождя перрон. – Как доехала?

– Нормально. Только ко мне всю дорогу сосед по купе приставал.

– Значит, ты дала ему повод. Дай мне сумку, я понесу. Поедем на троллейбусе, не будем тратить деньги на такси.

– В троллейбус с чемоданом? И с пересадкой на автобус! Ну, уж нет. Послушай мама, какой я могла дать ему повод? Неужели ты меня не знаешь? Уткнусь в книжку, никому не мешаю, *примус починаю*. Просто все мужчины – бабники.

– Какой еще примус? – удивилась мама.

– Да так, цитата.

– Не знаю, не знаю... Ко мне почему-то никто не пристаёт, – не без гордости произнесла мама.

Я даже приостановилась.

– Мама! Тебе же семьдесят пять лет!

– Ну и что? Ты выше меня, на, держи зонтик!

Я подняла мамин новый огромный, *алый* зонт над нашими головами. Под ним наши лица приятно порозовели.

Действительно, *ну и что*.

Два года назад, когда сын неожиданно уехал в Америку

(я почему-то вбила себе в голову, что он будет жить вместе со мной до скончания века), я, немного успокоившись, внушила себе: «В пятьдесят жизнь только начинается» и сама позвонила Стасу. Целых десять лет я отнекивалась от его предложения повидаться, ограничиваясь беседами по телефону. Так почему же маме не начертать на своих знаменах: «Жизнь начинается в семьдесят пять»? Человек умудряется в течение жизни так ловко менять систему координат, что неизменно остается молодым.

– Ты сама виновата, если к тебе пристают, – подытожила мама, когда мы сели в такси. Пожилой таксист с интересом посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Я отвернулась к окну.

Виновата, обиженно думала я. Ну, конечно. Я ведь не подскочила, как ужаленная, не вскричала: «Как вы смее-те!», когда «Маркс-Будулай» налил мне водки. Виновата. Сама в этой жизни родилась женщиной. Значит, чем-то провинилась в предыдущей. Остается уповать только на следующую. Надеюсь там родиться мужчиной. Вот уж тогда-то я отыграюсь! Буду иметь жену, любовниц... Они будут для меня *всё делать*, а я буду приставать ко всем встречным женщинам. И меня за это никто не осудит.

Когда я снимала куртку в красивой, идеально убранной

прихожей (нигде не пылинки), мама снова заметила:

– Очень красивая куртка. А моя такая потертая уже. Ищу, но никак ничего хорошего не найду.

Мама вздохнула.

– Давай, махнемся куртками, – предложила я.

– Я не «махаяюсь», – с оттенком осуждения (это еще что за выражение!) сказала мама.

– Я себе другую куплю, а ты бери эту, – предложила я на приемлемом для мамы языке.

– Зачем? В магазинах они не перевелись. Найду.

– Ну и зря. Мне не жаль.

– Мама! Пойми – мне никто не нужен. Вот, посмотри! – продолжила я разговор о том, кто к кому в поезде приставал, когда мы уже сидели в большой, уютной, тоже сверкающей чистотой кухне, и пили кофе. Настоящий. Со сливками и московскими конфетами, которые я привезла и ей и тетушке Шуре, маминой сестре.

Я снова полезла в сумку за моей *реликвией*, фотографиями Стаса. Каждый раз в день прибытия в гости к маме я почему-то забываюсь и начинаю вести себя с нею, как с подружкой. Неизменно наступаю на одни и те же грабли. Впрочем, это касается не только мамы.

Зачем я стала показывать ей фотографии? Не знаю. Воз-

можно, мне хотелось похвастаться. Стас всё еще красавчик... Или... я втайне надеялась услышать: он хороший, *он любит тебя*, перестань его подозревать и ревновать?

– Правда, красивый? – спросила я.

Мама мельком посмотрела на фотографию Стаса, развалившегося в кресле в моей крохотной *гостиной*, пожала плечами и пренебрежительно произнесла:

– Он не в моем вкусе.

– Значит, ты мне не конкурентка, – скрыв обиду, криво усмехнулась я, доставая из сумки «получку» работниц из Гусь-Хрустального.

– Вот. Тебе.

Увидев подарок, мама нахмурилась.

– Что мне с ними делать? – спросила она.

– А что делают с рюмками? Гости придут, на стол поставишь, – терпеливо объяснила я.

– Мне они не нужны. Рюмок у меня предостаточно.

Вот тебе и *купите, не пожалеете*... Что ж. Подарю их тебе.

Не успели мы допить кофе и приступить к маминым красиво украшенным салатам, как раздался звонок в дверь. В гости, услышав о моем приезде, пришел дядя Миша, мамин брат.

– Сильви, дорогая, с приездом! Я так переживал за тебя, – сказал он, протягивая мне коробку шоколадных конфет «ассорти» с красными розами на крышке. – В Москве только

что был в метро жуткий взрыв. Просил твою маму, чтобы позвонила, узнала, всё ли с тобой в порядке.

– А что с ней могло случиться? – спросила мама, с недоумением глядя на брата. – Москва большая.

Мы с дядей переглянулись.

Да-да, подумала я с горечью, *очень большая...* О том, что я тридцать минут до взрыва была именно там, я говорить не стала.

Несмотря на приветливую улыбку дяди и его неизменный комплимент: «Ух, Сильви, как ты похудела! Отлично выглядишь!» (независимо от того, похудела я или поправилась) было видно, что мой, далеко не молодой, уже совсем седой, но всё еще интересный дядюшка чем-то расстроен.

– У вас не найдется чего-нибудь...? – спросил он, заговорщицки подмигнув мне.

Мама достала из буфета бутылку отличного французского коньяка, им же и подаренного ей на юбилей. Пациенты, все как один, приносят врачам в подарок коньяк, а те не знают, куда деться от этого изобилия.

Почему-то врачам *принято* дарить коньяк. Или конфеты. Что ещё хуже. Сколько конфет может съесть человек без вреда для здоровья? А почему не подарить, допустим, кофе, чай, шампунь? Или, на худой конец, стиральный порошок. А что? Пригодится в хозяйстве. Не вынуждать врача спиваться или становиться *дилером конфет*. Больше изобретательности, уважаемые пациенты. Впрочем, я, наверное,

слишком многого хочу. Это нарушило бы *правила игры*...

Дядя принес из комнаты стул, сел, налил нам всем по рюмочке, выпил одним махом до дна и вдруг беззвучно зарыдал. Его худощавые плечи сотрясались.

– Что с тобой? – испуганно воскликнула я. – Что случилось?

– Ерунда, – осуждающе прокомментировала мама.

Когда дядя немножко успокоился, выяснилось, почему он плачет. Домочадцы требуют, чтобы он спилил елку, посаженную им сорок лет назад на дачном участке. За прошедшие годы из крохотной серебристой елочки вымахала высокая пышная ель, и стала затенять грядки.

– Неужели нельзя подождать, когда я умру, – сказал дядя.

Вот оно что. А ведь елки в деревне, откуда родом мама и ее брат, посаженные их отцом, растут и сейчас, подумалось мне. Деревня заброшена, домов не осталось, а елки – растут. Вымахали в *вековые* ели... Пару лет назад моя двоюродная сестра Лара возила нас с мамой туда на своей машине. Там меня охватило странное, восхитительное чувство, словно мне снится сон... Словно вернулась ненадолго в детство... Меня отправляли на всё лето в деревню к бабушке. Сколько же лет тем елкам? Тетя говорила, что дедушке было двадцать лет, когда он их посадил. Теперь ему исполнилось бы сто десять... значит, этим елкам девяносто. И вообще... Человек должен построить дом, родить сына, посадить дерево. А не спилить.

– Не соглашайся, – сказала я дяде. – Насильно ведь не спилят?

– Конечно, надо спилить, – сказала мама. – От елки на участке тень, клубника очень плохо растет.

– Ну да, – сказала я. – Ведь именно клубника – главная статья доходов семьи дяди Миши.

– Не надо иронизировать, – сказала мама. – Дерево мешает.

– Никогда не видела такую огромную, такую красивую серебристую ель, – сказала я уже потом, прощаясь с дядей в прихожей. – Ты же ее сам вырастил! Не сдавайся!

Вечером мама смотрела в гостиной сто какую-то серию «Санта Барбары», а я включила второй телевизор в спальне и нечаянно наткнулась на другой идиотский сериал.

И тут, как назло, показали сценку. Главный герой, Цезарь (имена в латиноамериканских сериалах, как правило, одно другого вычурней) заночевал у своей любовницы Марты. Пришел домой утром. И там разворачивается диалог. «– Цезарь, где ты провел ночь? – спрашивает жена. – Я? У Марты. Понимаешь, мы выпили вина, и я заснул у нее на диване. – Но почему ты меня хотя бы не предупредил? – Было уже два часа ночи, не хотел тебя будить».

Вот. Оказывается, не только я считаю, что коль скоро мужчина обещал позвонить, но не позвонил, то он был у другой женщины. Режиссер того же мнения. Он мужчина, он *знает*.

Оказывается, и от сериалов бывает польза. Вот оно, *доказательство*. Есть в логике такое понятие – *доказательство по аналогии*.

Я окончательно приуныла. Мне было нужно *не это*. Я вдруг поняла, что мне требовалось доказательство, что я *ошиблась*.

И еще. Рыцарские поединки мужчин остались, по-видимому, где-то в Средневековье. Почему-то решительно во всех этих бесконечных сериалах сражаются теперь женщины. За мужчину. Может быть, на самом деле так было *всегда*? посетила меня неожиданная мысль.

Раздался телефонный звонок. Сердце мое ёкнуло. Но это был не Стас. Звонила моя любимая тетушка Шура, сестра мамы. Напомнить, что утром мы договорились с ней о встрече на завтра.

– Пирогов в этот раз не напекла, – сказала она извиняющимся тоном. – У меня ремонт, пироги пришлось купить в магазине. С капустой, с мясом, с вареньем. Жду тебя, не дождусь. Ужасно по тебе соскучилась! Смотри, не вздумай говорить, что ты опять на диете! Знаем мы тебя!

– Диета закончилась, – заставила я себя ответить весело, ей в тон. – Съем всё, что у тебя есть.

А на душе стало вдруг легче.

Эти люди – мама, тетя Шура, дядя Миша, сопровождали меня всю мою сознательную жизнь. И мне казалось, что так будет продолжаться вечно.

6

В радостном нетерпении я взбежала по лестнице пятиэтажки на четвертый этаж. В этот дом я впервые приехала в гости, когда мне было шестнадцать. Тетя Шура получила в нем квартиру в шестьдесят втором году. Теперь к этому стали в шутку добавлять «прошлого века». Но ведь действительно, с начала этого года двадцатый век стал вдруг *прошлым*. Это казалось очень странным. Ведь *прошлым веком* для нас всегда был век девятнадцатый...

В постоянстве места жительства тети было что-то незыблемое, тоже внушающее мне чувство, что мы все никогда не умрём.

– Сильвичка! Дорогая! Здравствуй! Ой, какая у тебя красивая куртка! – воскликнула тетушка, открыв мне дверь.

– Нет, чтобы сказать, какая я в этой куртке красивая, – пошутила я, переступив порог и поздоровавшись со стоявшей за тётиной спиной двоюродной сестрой Леной.

– Ты и без куртки хороша, – сказала тетя. – Похудела, наконец! Полнота тебя портила. А Лена все толстеет. И курит, – и, словно забыв о моём присутствии, повернулась к дочери. – Когда бросишь курить? Всё дымишь, дымишь... Сильви бросила! У нее есть сила воли.

– А нельзя ли как-нибудь так похвалить меня, чтобы не испортить настроение Лене? – принялась я, как всегда,

отечески перевоспитывать тетушку. – Не критикуй ее все время. Ты же понижаешь ее самооценку!

– Продай куртку мне, – брякнула вдруг Лена.

Опять... Стоит ей увидеть на мне что-то, что мне идет, сразу – продай.

Мы расположились в узкой, похожей на вагон, спальне, где со стен были содраны обои – в квартире велись малярные работы. Мимо кровати к окну здесь надо было протискиваться боком, танцевальным шагом, влево-влево. Обратно вправо-вправо.

Сколько себя помню, каждое лето тётя затевает в квартире ремонт. В советское время рулон обоев стоил копейки, и она обои постоянно меняла. Клеила сама.

– Хочу закончить ко дню рождения Лены, – пояснила тетушка, показывая на царивший в квартире беспорядок.

Лена ушла в детский сад за дочкой, а тетя достала из холодильника бутылку рижского шампанского (интересно, где это в Латвии растет виноград?). На широкой кровати лежала доска, полка, вынутая из шкафа, на ней стояли две тарелки с румяными пирожками и фужеры.

– Ой, – вспомнила я. – У меня есть кое-что для тебя.

– Спасибо! Очень кстати! У меня как раз не хватает! – воскликнула она, развернув рюмки. – Сильвичка, как ты любишь делать подарки! Но зачем ты тратишься?!

После первого выпитого бокала я, конечно же, сунула тете под нос заветные фотографии.

– Ой, какой хитрый! – воскликнула она, глядя на Стаса. – Но хитрость у него не подлая.

«Нет, пожалуй, не подлая», – мысленно согласилась я, вместе с тем поразившись столь структурированной классификации хитрости. Сама я не привыкла думать подобным образом. Я тонула в море противоречивых фактов, не делая обобщений. Всегда и во всём сомневаясь. Боясь обидеть. Даже мысленно.

– А я – хитрая? – спросила я.

– Ты добрая, – ответила тетя после короткого раздумья. – Твоя доброта тебя подводит. А так у тебя тоже хитра хватило бы.

«Вот что значит – медики, – подумала я. – Разбираются в людях. Психологи. А может, это оттого, что она росла в большой семье? Когда много детей, то они, наверное, уже в детстве усваивают азы человеческой психологии. А не вступают в жизнь, зашоренные розовыми очками: „Мы в ответе за тех, кого приручили, *даже змей*“... Впрочем, мама ее родная сестра, но подобных обобщений не делает. Значит, всё дело в профессии». Тётушка – медсестра.

– Ой, еще как хватило бы, – подмигнула мне тетя Шура.

– Спасибо за комплимент. Надоело мне быть Буратино.

Пригубив шампанского, тетюшка мгновенно захмелела и стала жаловаться на бессонницу. Уже которую ночь она просыпается в три часа, а то и раньше.

– Поясницу ломит, нога болит. Заснуть не могу, включаю

телевизор. А там по ночам теперь такие гадости показывают. Не понимаю, что люди в этом находят? Тьфу! Как шины накачивают!

Я с трудом сдержала улыбку. В послеперестроечное время свобода и отсутствие цензуры, вольно или невольно, просветили всех.

Вернулась Лена с пятилетней Полиной, тетя легла вместе с внучкой «прикорнуть», а мы с Леной перебрались в ее комнату и продолжили посиделки.

Родных братьев и сестер у меня нет. Зато двоюродных сестер – одиннадцать. Целая футбольная команда кузин. Я не раз думала о том, что революционный надлом, так сказать, демаркационная линия, прошла по поколению тети Шуры, моей мамы и дяди Миши. Бабушка и дедушка, и со стороны мамы, и со стороны папы, произвели на свет всех детей, которых зачали. А их дочери без колебаний воспользовались тем, что запрет убивать своих будущих детей был снят и родили только по одному ребенку. Отрицание родительских ценностей – налицо.

Допив шампанское, мы с Леной открыли бутылку чилийского сухого красного вина, принесенную мной. С тех пор, как повсюду пишут, что оно полезно, противодействует свободным радикалам, и продлевает жизнь и молодость, я пью его чуть ли не с чувством выполненного долга.

Я стала изливать душу сестре и сетовать на Судьбу по имени Стас. Лена тоже сетовала; только ее Судьбу звали Семе-

НОМ.

Правда, сначала она жаловалась на мать.

– Ты не представляешь, она такая завистливая. Даже может сглазить.

– Не выдумывай! Как это – сглазить?

– Представляешь, она увидела у меня в комнате на стене керамическую вазочку и говорит: «Опять новую купила? А у меня вообще никакой нет. Все тебе отдала». После её ухода вазочка со стены как грохнется! И – вдребезги.

Я в такое могущество взгляда ни тети Шуры, ни кого-либо другого, не верю. Завистливая? Не может быть. Просто Лена обижена на нее. Для меня тетя – олицетворение доброты и меткого юмора. Но подвергать слова Лены сомнению нет оснований. Факт явно имел место быть. А его объяснение зависит... ну да, от *светопогляда*. Нравится мне это болгарское словечко. От мировоззрения.

– Да ладно тебе, – сказала я. – И правда же, все, что только могла, твоя мать тебе отдала. Даже мебель.

– Так зачем же теперь попрекать этим? – воскликнула Лена.

Дверь комнаты бесшумно открылась, появился её муж, Семен.

– Секретничаете? – спросил он, широко улыбаясь нам с высоты своего роста.

– Ты же сказал, всю ночь будешь на работе, – хмуро глядя на него, процедила Лена. – Что, финны не приехали?

– Бумажник дома забыл.

– Зачем тебе бумажник, раз денег нет, – буркнула Лена.

– А вдруг будут? – ничуть не смутился он. – Все ждут джек-пот. Машина вот-вот будет давать.

– Машина? – удивилась я. – *Давать?*

– Игровой автомат. Термин такой в ходу, давать.

– У игроков, – сердито прокомментировала Лена.

– Ага, – весело подтвердил Сеня. – Сначала, пока все проигрывают, набирается сумма. Ну а потом – как посыпется! Джек-пота очень давно не было. Значит, вот-вот... Ну, я побежал.

В комнату тихо вошла маленькая Полина. Увидев меня, она застеснялась, попыталась спрятаться за спину матери и нечаянно столкнула со столика фарфоровую пепельницу с окурками. К счастью, пепельница не разбилась.

– Какая же ты неуклюжая! – рассердилась Лена. – Иди спать к бабушке.

– Я уклюжая, – обиженно возразил ребёнок.

– Иди! Уклюжая... Не видишь – я курю!

– Как они мне все надоели! – вздохнула Лена, когда дверь закрылась. – Мне так хочется побыть в одиночестве. Сеню я иногда просто ненавижу. Денег не дает, все просаживает в казино. Ненавижу свою работу. Я там насмотрелась, как себя ведут мужчины. У нас в баре есть сауна, в сауне – топчан, там можно по-быстрому...

Год назад, когда закрыли уличный ларёк, где работала Ле-

на, я была категорически против того, чтобы она шла работать к подруге в бар. Пытаясь её отговорить, я пророчила, что это нанесёт непоправимый вред её внешности – там она растолстеет, обрызгнет, да и вообще ей надо держаться подалеже от алкогольных напитков. Она, в свою очередь, уверяла меня, что у нее *всё под контролем*. Я невольно отметила про себя, что мои слова сбываются, но моя способность прогнозировать меня отнюдь не порадовала – ни ее двойной подбородок, ни глаза, которые почти превратились в узкие щёлки.

– Я же просила тебя, не ходи в барменши, – начала было я. – Ты же имеешь высшее образование, в конце концов. Я тебя предупреждала... – и осеклась.

«Я говорю ей ровно то же самое, что говорил когда-то мне мой отец. „Мы же говорили“, „мы предупреждали“. И о муже, с которым я потом всё равно развелась, и о Стасе... А разве *это* нужно человеку? Ему нужно сочувствие, а не напоминание о том, как правы были другие люди».

– Легко сказать! – возмутилась Лена. – А куда прикажешь мне идти? Ты забыла, что наш институт в самом начале перестройки развалился? Я своих бывших сослуживцев, *инженеров*, на рынке Кадака в торговых рядах вижу! Кто-то рыбой торгует, кто-то мукой. Это ты предприимчивая. И как ты только не боишься одна ночью в Ригу ездить... А с Сеней я разведусь, – вздохнула Лена, отпив глоток вина. – Решено.

«Решение» это не было чем-то из ряда вон, на моей па-

– А ты-то как раз в метро ездишь.

– Он не растолстел? – спросила она после паузы.

– Да нет. Скорее, похудел.

– Усыхает, *дедуля*, – ни с того, ни с сего, съехидничала вдруг кузина.

Я изумленно уставилась на нее. Во-первых, всего год назад она говорила, что сама не отказалась бы с этим «дедулей»... Проболталась спьяну. А во-вторых, выглядит он прекрасно. *Неувядающий*. Странная перемена отношения. Ей хочется меня почему-то уязвить... Я снова полезла в сумку за фотографиями Стаса. Ну и что, что я с ним рву. Вот какой красавец у меня *был*...

– Вот. Смотри.

Лена долго изучала фотографии Стаса, развалившегося в кресле в моей, условно говоря, гостиной (какие уж тут *гостиные* в пятиэтажках, не зря эти дома прозвали *хрущобами*, и в Москве их сносят), тяжело вздохнула и выдала:

– *Не люблю наглых*.

Уследить за поворотами ее мысли или уточнить, что имеется в виду, не представлялось возможным: Лена уже приняла почти горизонтальное положение. Вид ее становился всё более отрешенным, глаза почти закрылись.

– Ты меня слушаешь? – спросила я.

– Он в губы тебя целует? – широко распахнув вдруг глаза и даже приподнявшись на локте, деловитым тоном, как доктор во время утреннего обхода, спросила Лена. И в упор

уоставилась на меня.

– Ну... да, – кивнула я.

Подоплека вопроса была мне ясна.

Моя наполовину спящая красавица-кузина пожала плечом, словно говоря *все вовсе не так страшно, чего же тебе еще надо*, пробормотала:

– Вот ты в Ригу едешь, потом летишь в Париж. Я бы хотела куда-нибудь поехать. Хотя бы в Печоры...

Вдруг, закрыв лицо большими ладонями, она заплакала.

– Печоры как перевернутая страница, – всхлипывала она.

Я давно не видела ее плачущей, но не только это тронуло меня, а больше всего то, что она плакала о нашей общей большой любви – тете Вере, умершей два года назад.

– Хотя бы в Печоры... – повторила она, вытерев слёзы, рухнула обратно на диван и отключилась.

Некоторое время я разглядывала ее, спящую. Клетчатый плед сполз на пол. Большая, с большими ступнями и ладонями, тело белое и плотное, в одних лишь слаксах и лифчике, она была похожа на лежащую кариатиду.

Я накрыла ее пледом. Мне вдруг взгрустнулось. Вспомнилось, как я, восьмиклассница, катила коляску с двухлетней Леночкой. Она была прехорошеньким, *рекламным* ребенком. Пухленькая белокурая синеглазка, словно сошедшая с обертки шоколадки. Тетя наряжала ее в белые платяца с кружевами и бантиками и белые гольфы с помпончиками... Вокруг моих загорелых коленок пританцовывала юбка,

встречные парни подшучивали надо мной: «какая молодая мама!»

В жизни почти каждой современной женщины наступает момент, когда у нее руки просто чешутся окраситься в блондинку. А Лене это было дано от рождения. Увы... *Не родись блондинкой, а родись счастливой.* Мне было жаль Лену. Она напоминала мне картежника, которому выпал большой шлем, а он не только не сумел разыграть выигрышные карты, но и проигрался в пух и прах.

Я накрыла посапывающую кухню пледом, взяла из тумбочки тетрадку, в которой были исписаны всего две страницы и прочитала: «Ленка, ничего не бойся, ты все сможешь, обязательно сможешь. Будет и на твоей улице праздник...» Ну и дальше все в таком же духе. Что должна была смочь моя самая любимая кухня, об этом в дневнике не было ни полслова.

Меня странно тронул ее дневник. Это было как... проникновение в дом. Что же получается? Сколько ни говори с человеком «по душам», все равно эти беседы похожи на то, что ты стоишь снаружи, а он высунулся в окно. А прочитать дневник (или узнать, что человек в чем-то солгал тебе) это словно ты вошел в дом.

Я растолкала Лену, она вяло повозмущалась, но потом покорно встала, послушно надела ночную сорочку, пробормотала «продай мне куртку» и забралась в постель. А я вызвала такси и уехала к маме.

На следующий день сразу после обеда мне позвонила тетя Шура.

– Что вы вчера пили, что человек до сих пор беспробудно спит? – спросила она сердито. Очень сердито.

– Всего-навсего полбутылки шампанского, – удивлённо ответила я. – Допили то, что осталось после нас с тобой. Подожди... мы же открыли еще бутылку вина.

Тут мне вспомнилось, что потом Лена просила достать с антресолей еще бутылку, но я воспротивилась.

– Не ожидала от тебя. Ты старше и должна была подать ей пример воздержания. Не ожидала!

И тетя бросила трубку.

Лене скоро сорок лет, возмущенно подумала я. Интересно! Когда мне стукнет сто, а Лене восемьдесят шесть, то и тогда я должна буду подавать ей пример? А может, мне как раз тогда захочется побузить? Терять-то будет нечего... Что ж. Придется зарубить себе на носу: с Леной не пить. Но всё же... позвольте, а на работе у нее, в баре, что, сухой закон ввели?

Впрочем, упрёк тёти меня возмутил, но не обидел. Наша семья всегда ходила у нее в виноватых. И дяди мишина тоже. Маму и дядю Мишу она винила в том, что они, младшие дети в семье, сбежали из деревни в город, учиться, а она оста-

лась с пожилыми родителями. Помогала им до тех пор, пока дедушка не умер, и дом пришлось продать...

Но её нападки ничуть не мешали мне любить ее. Она вспыльчивая, но отходчивая, никогда не дуется. Не подвергает остракизму. И у нее есть бесценная черта характера – *безотказность*. С какой бы просьбой к ней ни обратиться, она спешит на помощь.

А ее обвинения я всерьёз не воспринимаю. В конце концов, не винить же человеку в своей неудавшейся жизни себя...

В рижской гостинице «Балтия» я останавливалась уже на протяжении целых восьми лет. Я любила ее. Несмотря на затрапезный вид, на *унадок*, сквозь который лишь угадывалась былая роскошь. Красивое старинное здание, прямо напротив железнодорожного вокзала, требовало ремонта. Но – центр города, а за сутки в одноместном номере брали там всего-навсего три с половиной лата.

Латвия после обретения *brīvības* (*сладкое слово свобода*) поменяла рубли на латы. Точнее, сначала появились *репшики*, прозванные так народом в сомнительную *честь* Эйнарс Репше. «Репшики» выглядели несерьёзно. Казалось, каждый может напечатать их себе сам на принтере. Подобно *хрущобам*, они жили недолго. Далеко не каждый правитель – Хеопс...

Латы, напротив, отличились и интересным дизайном – тяжёлые монетки с отчеканенными на них рыбкой (в Латвии ловят рыбу), коровой (Латвия славилась животноводством), а главное, номиналом – один лат стоил целых два доллара. Поэтому цены в латышских магазинах выглядели иллюзорно невысокими. В Эстонии сто крон, а в Латвии это же – *всего лишь* три с половиной лата. А если вдуматься – всё те же семь долларов.

...Кому-то это покажется, наверное, странным, но я все-

гда мечтала пожить в гостинице. Начиталась в юности Ремарка. Его герой – вечный скиталец по гостиницам, пьющий кальвадос. Попробовать кальвадос я тоже всегда мечтала. Сбылась мечта в Коктебеле. Оказалось – такая гадость: креплёное яблочное вино.

Одноместные номера «Балтии» я знала наперечёт. Из некоторых открывался вид на привокзальную площадь с высокой прямоугольной башней с часами в центре. Удобно: подходишь к окну и смотришь, который час. Видишь фигурки людей, выходящих из здания вокзала и спешащих по своим делам. Мчатся машины, то и дело к остановке подъезжают и отъезжают от неё троллейбусы, тащится трамвай... Эти номера я обожала.

А в других за окном мрачный двор-колодец. Постояльца изводит непрерывный шум вентиляции, доносящийся со двора. Разница в цене смешная – сорок сантимов в сутки. Но, когда хорошие номера заняты, приходится терпеть пытку шумом, размышляя о том, как важно место, которое занимаешь в жизни. Одно и то же здание, а какие разные впечатления. Один скажет перед *отъездом*, что жизнь – свет и радость, другой – нет, тьма и сплошное страдание.

Гостиница была пронизана моими мечтами о новой встрече со Стасом. Приехав сюда, я неизменно начинала ему звонить по вечерам. Во-первых, – одиночество. Во-вторых, хотела знать, *как он там*, но не хотела с ним видиться, сно-

ва встречаться, *страдать*... Он охотно рассказывал о себе, о взрослых детях, о падении курса акций... Я о себе. Ни слова о чувствах. Нет, всё-таки однажды я задала ему один из тех глупых вопросов, которые может задать женщина мужчине: «Ты вспоминаешь меня?» «Sometimes», ответил он. Почему-то по-английски. После небольшой паузы.

Два года назад я вот так же позвонила... Сначала он подумал, что звоню из Москвы и предложил заехать к нему на «капучино-эспрессо». Мне тогда почудилось, что он как-то особенно подчеркнул это «эспрессо». *Мастер намёка*. Я мысленно возмутилась: он, что-же... считает возможным, что после десяти лет, что мы не виделись, я заскочу к нему на полчаса, и мы на бегу *выьем эспрессо*? Или... что ещё – *эспрессо*?

Десять лет я мечтала о новой встрече. Она должна была произойти в *торжественной обстановке*. В какой-нибудь *знаменательный* день. Я даже знала, где. В «Патио паста» на Тверской, куда мы часто ездили с сыном. Я влюбилась в это уютное кафе и твёрдо решила, что наша новая встреча состоится именно там. Я так долго выбирала время встречи, что в итоге, мы хоть и встретились в «Патио» (в полном соответствии с моим *сценарием*, если пользоваться излюбленным выражением Стаса) но, действительно, в день очень даже знаменательный – семнадцатого августа девяносто восьмого года. В день *дефолта*... Когда *всё обесценилось*. Тогда, вместе с рублём рухнул и мой так называемый, *бизнес*...

Жалкие остатки сувениров распродавались медленно, по сей день.

Я приняла душ, покрутилась, одеваясь, перед зеркалом, взяла сумку с сувенирами и пошла пешком на Valnu iela. Я люблю Ригу, этот *маленький Париж*. Рига тоже *стоит мессы*. Я шла, наслаждаясь ею, вдыхая ее, любуясь красивыми домами, старинным парком у канала, вековой ивой, нависшей над водой, доверчивыми прикормленными уточками, плавающими в тени ивы, и в который уже раз с грустью отметила про себя, что стоило мне перестать влюбляться в людей, как я стала влюбляться в города.

В художественном салоне было безлюдно. Пожилая продавщица Раса, в недавнем прошлом физик, сидела за столом, разбирая квитанции. Она подсчитывала, сколько продано за три месяца, прошедших с моего прошлого приезда. Молодая продавщица, Вия, раскладывала на полки изделия из янтаря. Мужской голос из радиоприемника, громко, на весь салон исполнял какой-то бравурный латышский шлягер. В песне то и дело повторялось «Юра».

– У латышей тоже есть имя «Юра»? – спросила я, поздоровавшись с продавщицами, кивнув в сторону радиоприёмника.

– «Юра» означает «море» по-латышски, – улыбнулась мне

Раса, оторвавшись на секунду от бумаг.

Я прошла по салону, разглядывая картины на стенах, сувениры на полках, украшения из самоцветов в стеклянных витринах с подсветкой. «Какое счастье работать в таком магазине. Это не на рынке мясо рубить и не в баре пьянчужкам наливать», подумалось мне, уже не впервый раз. Я села напротив Расы, ожидая, когда она закончит подсчёты, и невольно принялась ее разглядывать. Она заметно сдала за этот год. Располнела. Перестала красить короткие седеющие волосы. Массивный перстень, с яшмой, впился в мясистый палец...

Время тихо текло сквозь этих, лишь поверхностно знакомых мне, но ставших почти близкими за последние годы людей. Так, тихо, незаметно, крошится штукатурка с домов. Растут деревья. Струится песок в дюнах. Неподвижно висят, словно держась усиками за поверхность воды, хитрые черные рыбки в аквариуме привокзального рижского кафе.

Сердце мое сжалось от щемящего чувства. «Ничего не подделаешь», подумала я. *«Если железо используют в работе, оно стирается. Если не используют, его съедает ржавчина.* Остановиться невозможно. Наверное, nirvana – недостижимый идеал. И время пройдет и времени не будет...»

Позже, покончив в салоне с делами, ожидая на привокзальной площади маршрутку, я читала на подъезжающих маршрутных автобусах: «Юрмала», «Майори», «Булдури»... Внезапно я поняла, что означает «Юрмала». *Взморье!* Я бы-

ла в этом полностью уверена. Так, каким-то неведомым озарением, к нам приходят многие знания. «А „Юрас перле“ должно быть – жемчужина моря». Наверно, так приходит понимание слов к детям. И... к иностранцам.

В Майори я приехала в полдень. Небо заволкло сплошной голубовато-серой дымкой, чистый светло-бежевый песок был усеян редкими темных крапинками только что опрысканного немногочисленных отдыхающих дождя. На длинном, уходящем к виднеющемуся вдали мысу, песчаном пляже, было всего около двадцати человек.

Сбросив с себя пестрое летнее платье, и оставшись в одном купальнике, я села на скамейку у карликовой сосны, поодаль от кромки спокойного, покрытого лишь легкой рябью, моря, достала из сумки книжку и стала читать.

Неподалеку от меня на песок, с жалобным покрякиванием села молодая чайка. Совсем еще детеныш, худенький, элегантный, с белоснежной грудкой, весь словно из прачечной, где его отутюжили и накрахмалили.

Чаенок битых полчаса покачивался на длинных худеньких темно-красных ножках на одном и том же месте и в вящем недоумении крутил темно-коричневой гладкой головкой по сторонам, временами кося на меня влажным блестящим глазом, обрамленным украшением, напоминающим павлинье перо.

Как правильно: «чаеныш» или «чаенок»? размышляла я, поглядывая на это первозданное чистое существо. Я призыв-

но поцокала ему языком. А птенец лишь слегка покачивался и издавал жалобные скрипучие звуки.

На песке поблизости стоял водный велосипед, похожий на сани с педалями. На его сиденьи развалился седой, загорелый до черноты мужчина в голубых плавках. Он потягивал пиво из темной стеклянной бутылки. Поблизости загорал стоя второй шоколадно-коричневый седовласый мужчина. Очевидно, для них загар был чем-то вроде спортивного достижения. Подобная шоколадность вполне тянула на книгу рекордов Гиннеса.

Чаенок улетел, взамен прилетели три вороны и начали разгуливать вокруг полозьев водного велосипеда, откуда уже ушел, допив пиво, любитель оригинальных решений и удобств.

Я посмотрела в сторону моря. Вдоль кромки воды медленно шла стройная женщина в белых брючках, белой маечке, легкой белой распахнутой курточке и белых кроссовках. Отсюда лица ее не было видно. Волосы ее развевались на ветру.

Я долго провожала ее взглядом. В этом было что-то... Пустынный пляж, освещенный неярким солнцем... Чистый бежево-серый песок и *женщина в белом*, идущая по кромке серого моря.

Я мысленно вздохнула – вот какой должна быть женщина. Чтобы понравиться *ему*. Мы все всю жизнь стараемся понравиться своим родителям, потом любимым... Местный «негр», рекордсмен загара, с короткими ногами и длинным

туловищем, прошел прямо мимо меня и я подумала: «хочет быть *сексапильным*. Седые волосы покрасил бы...» На скамейку рядом со мной тяжело плюхнулись две грузные женщины. Одна помоложе, вторая, очень пожилая, часто и тяжело дыша. Они переговаривались между собой по-русски.

– Вот раньше, придешь на пляж... В любое время, в любой день – полно народу. Ну, и что они поимели с этого, эти латыши? С независимости этой? Заводы позакрывались. А квартплата...

– Мама! Хватит! Надоело, – пыталась урезонить ее дочь.

– Вот раньше на пляже яблоку негде было упасть. А теперь... вишь – какую гостиницу досками заколотили. А телефон. Теперь за местные разговоры – плати. Где это видано?

– Мама!

Я посмотрела на говорившую – обрюзгшая, расплывшаяся. Недовольное морщинистое лицо...

«А ведь дело не в квартплате, – подумалось мне. Не *только* в ней. Конечно, пожилым людям трудно, почти невозможно, *перестроиться*. Есть китайское проклятие (похоже, китайцы то и дело кого-то проклинаят) «чтоб вам жить во время перемен...» Просто *новое время* уже – не *ее* время... Сидит же она здесь в пригожий летний денек и ноет, ничего не делая. Значит, может себе позволить. А то время – ушло безвозвратно...

Я, в отличие от нее, не оплакивала его. Но чувствовала, что меня было словно два человека – та, что *до* и та, что *по-*

сле. Та, что до, тоже исчезла, как канула в небытие и огромная страна, в которой *та* родилась, училась, работала, *по-встречалась со Стасом...* в прошлом теперь веке.

Мы изменились, да. Надеюсь, не до неузнаваемости...

Я поднялась со скамейки, переоделась в кабинке и медленно пошла сквозь тихий дачный поселок, под словно замершими под солнцем вековыми соснами, в сторону оставки пригородной электрички.

Выйдя на главную улочку, я попутно зашла почти в каждую лавчонку, которые плотным строем облегли эту чистую мощеную пешеходную улицу, без усталости переодевалась в примерочных, и нашла всё, что искала.

Я купила белые брючки, белую маечку и белую легкую курточку. В следующий раз, когда я приеду сюда... или к какому-нибудь другому морю, кто-то другой будет сидеть на скамейке, и смотреть, как вдоль кромки моря одиноко, отрешенно, идет *женщина в белом*. Волосы ее развеваются на ветру.

Вернувшись в гостиницу, я сразу рухнула на узкую, с ископаемым пружинным матрасом, кровать, и включила телевизор. Надо было выспаться до отъезда. Транзитный автобус из Вильнюса через Ригу на Таллинн отправлялся в час ночи, а телевизор мне спать не мешает. В запущенном старинном

здании, в унылой комнате с белыми стенами и высокими потолками чувствуешь себя в одиночестве особенно неуютно, а телевизор – безотказный компаньон.

На экране появились курчавый брюнет Круз и длинноволосая блондинка Иден. В Эстонии для показа этого американского сериала ограничились субтитрами, а латыши не поленились, продублировали фильм. Смешно было видеть Иден, произносящую «ludzu» и «paldies»...

На тумбочке рядом с кроватью зазвонил телефон. Подняв трубку, я услышала голос Лены. Что-то стряслось, была моя первая мысль. Как она меня нашла? – вторая.

– Сильвичка! Мне срочно нужна твоя помощь. Поможешь?

– Постараюсь. А в чем дело?

– Уезжаю на полгода.

– Куда?!

– В Америку. На заработки. Тут две фирмы работу предлагают. Надоел мне этот бар.

Вот как... в Америку. Впрочем, все пути из Эстонии ведут теперь не в Рим, и уж конечно, не в Печоры. А именно в Америку.

– И кем же?

– В гостиницу. Горничной... Не одобряешь?

– Ну, не знаю. Я завтра вернусь, тогда и поговорим.

– Сильвичка! – голос кузины стал умоляющим. – Сильвусечка! Ты такая хорошая! Ну, пожалуйста! Я тебя очень

прошу! Мне нужно *немедленно* дать подруге ответ! Она завтра рано утром идет в очередь, подавать заявление. Желających – вагон и маленькая тележка! А ты... ты возьмёшь Полинку на полгода к себе?

Час от часу не легче... Но. Лене надо помочь выкарабкаться из этого бара... Добром бар для нее не закончится. А я... всё равно ведь, дома сижу, сувенирные яйца расписываю... Полиночку рисовать научу...

– Лена, а ты в Америке надолго не застрянешь?

– Нет! Я и сама не хочу надолго! И не могу. Полине же в будущем году в школу!

– Ладно. Возьму. Но ровно на полгода. Слышишь? Имей в виду.

Я сразу оговорила срок. От Лены можно ожидать непредсказуемых поступков. Я хоть и бесхарактерная, но дальновидная. Да, бесхарактерная. А как еще назвать неумение говорить «нет»?

Я освободила номер уже в одиннадцать вечера и, как всегда перед возвращением из Риги домой, пошла в «Макдоналдс», коротать время до отправления автобуса. Это заведение нового, постсоветского времени, находится в пяти минутах ходьбы от автовокзала, работает круглосуточно, там *чисто, светло...*

Получив в руки поднос с заказом, я села за столик и почувствовала, что безумно устала. Я приехала в Ригу прошлой ночью, в три часа. И вот снова ночь. Невероятно длин-

ный день. Казалось, прошла неделя. Всё-таки время было бы правильнее измерять количеством событий, а не тем, сколько кругов сделала стрелка часов... Быстрее бы в автобус. А там – спать, спать...

Кроме меня в пустынном ночном бистро сидел только один посетитель. Молодой парень. Он нахально уставился на меня.

Не обращая на него внимания, я неторопливо пила горячий чай, ела гамбургер, и думала о том, что когда-то ровно на этом месте было кафе «Luna», где подавали пылающее мороженое. В мисочку с мороженым ставилась емкость со спиртом. Спирт поджигался. На первом курсе университета мы ездили в Ригу на экскурсию, и это *горящее мороженое* впечатлило меня так, что я до сих пор помню его. Мы тогда вызубрили слово «saldejums» и, веселясь, без усталости повторяли его – надо же, как смешно звучит по-латышски «мороженое»! Еще мне запомнился суп из бычьих хвостов, который мы с подругами-однокурсницами тогда заказали в каком-то рижском ресторане...

Парень вдруг совсем обнаглел и, не испросив разрешения, пересел за мой столик.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Здравствуйте, – ответила я. Жалко, что ли? Он, конечно, нахал, но как-то неловко, даже смешно вскакивать, как будто на меня *уже* напали.

– Что вы здесь делаете? – спросил он.

Круглые серые глаза его смотрели на меня с *неподдельным интересом*.

– Тоскую по родине, – ответила я, подумав. Ведь так оно и было.

Знать бы, где она теперь, родина моей души.

– Вы американка? – удивился он.

– Нет. Эстонка, – ответила я. И добавила, уже поднимаясь из-за стола, окончательно сбив его с толку: – Из Москвы.

...На следующий день, когда я проснулась в маминой квартире, выяснилось, что карты Лены легли не так, как она ожидала, и Америка ей сейчас не светит. Её подруга получила отказ – всё оказалось далеко не так просто.

– Не судьба, – вздохнула Лена в телефонную трубку.

– Как жаль, такой был шанс! – огорчилась я. – Не расстраивайся. У тебя ещё всё впереди.

Я заново пересмотрела свой гардероб, который запланировала взять с собой во Францию, но ничего из чемодана не выбросила. Читаю иногда дамские журналы, бывает, прислушиваюсь к советам, которые там дают. Один такой совет: не брать в поездку лишней одежды. Но... при одном лишь слове «Париж» теряю голову и, на всякий случай, бросаю в чемодан всё подряд.

– Мне из Москвы никто не звонил? – спросила я маму как бы между прочим, упаковывая чемодан.

– Нет, – ответила она удивленно. – А кто должен?

– Да нет, никто *не должен*...

Самолет приземлился около семи вечера. Перед почти безлюдным зданием уже знакомого мне с прошлого раза аэропорта Шарль де Голль, на пустынном пандусе, стояли такси. За рулем одни только негры. Я еще не повстречала Фредерика и не знала, что здесь это слово под запретом.

Я объяснила водителю, что мне нужна улица Лористон 97. А что в этом сложного? Просто сказала: «Бонжур! Рю Лористон», а «97» написала на бумажке, которую с заднего сиденья протянула ему. Таксист все понял без всяких «отвезите меня», чего я по-французски не знаю.

«Жё не компран па» – вот коронная фраза, которую вам следует выучить, когда едете во Францию. Все остальные три тысячи слов минимального словарного запаса вам заменит, поверьте, словосочетание «У э?»

Ну, еще потребуется «эскьюзе муа». После чего можно гримасничать, демонстрируя растерянность, размахивать руками и спрашивать «у э» (гостиница, музей, станция метро, всё, что вам необходимо).

Через минуту я уже мчалась на встречу с мечтой. «Париж, Париж...» – пело моё сердце, невзирая на пасмурный вечер, тёмные туннели и такие же унылые серые окраины большого города, как в Москве и Таллинне. Рю Лористон... А в Тарту есть улица Лауристини... По-русски – улица, по-французски

рю... Мысли хаотично толпились в голове.

Но вот, наконец, древний город в серой дымке предстал передо мной. Вдали над ним, казалось, парила в воздухе сказочная гора с белым куполом базилики «Сакре-Кёр». Это он! Неповторимый и *единственный, Париж*.

И вот! – рю Лористон и моя *резиданс*.

На *ресепшн* стоял коротко, почти под нуль, остриженный молодой человек весьма своеобразной внешности: прилизанные волосики желтенькие, как у цыпленка, а борода черная, клиновидная. «Как у Ленина», – подумалось мне. Бэйджик с цветной фотографией на лацкане его униформы сообщал, что имя его – Людовик.

Людовик, похожий на Ленина, дал мне комнату на последнем, мансардном этаже. Зачастую в гостиницах дают сначала самый что ни на есть, дрянной номер. Ясно, что постоялец попросит потом его поменять и, возможно, даст за эту услугу чаевые.

Но в мою комнату я влюбилась сразу, как только вошла и включила свет. Бледно-розовые обои с мелким серебристым рисунком осветила бронзовая потолочная люстра. Чисто. Мебель новая. На широкой двуспальной кровати шёлковое, тоже бледно-розовое, покрывало. Бронзовые светильники на тумбочках. В углу на стене телевизор «Philips» на вращающейся подставке. Ванная комната выложена кремовой плиткой, а в нее встроено декоративное панно – одинокая задумчивая цапля в камышах.

А вид из окна! Крыши, *крыши Парижа*, а вдали над старинными домами возвышался стройный современный параллелепипед. Башня Монпарнас, как я узнала позже у портье. Вблизи – кусочек тёмно-серой жестяной крыши соседнего крыла отеля.

Когда я распаковала чемодан и повесила одежду в узкий зеркальный шкаф при входе, был уже восьмой час вечера. В середине августа в это время в Париже уже наступают сумерки.

Мне не терпелось снова увидеть Эйфелеву башню, поблизости от которой по моей просьбе в турбюро и нашли эту гостиницу. Я спустилась на лифте на первый этаж и узнала у блондина Людовика дорогу. Я спросила «У э Трокадеро?», а он что-то быстро ответил мне по-французски. Я улыбнулась: «Жё не компран па». Тогда он, сопровождая свои слова жестами, повторил, что сначала надо идти «а гош», затем «друа, друа, друа» и потом снова «а гош». Налево, прямо и снова налево, сообразила я.

Я вышла на улицу. Приятная вечерняя прохлада и тишина. Повернула *а гош*, некоторое время шла *друа* и снова повернула *а гош*.

На Трокадеро было неожиданно пустынно, безлюдно, неуютно. Лишь двое рослых негров неподалеку друг от друга выложили на подстилке, разложенной прямо на мостовой, сувениры. Маленькие копии Эйфелевой башни, веера, платки и футболки с видами Парижа.

Впереди, прямо передо мной возвышался по-вечернему темный огромный силуэт башни Эйфеля, где, почти на самом верху, горела цифра 2000. *Конец света*, который пророчила, пытаясь всех застрашать, в конце прошлого года – конце тысячелетия, моя соседка Лиза, не наступил. В новогоднюю ночь не произошло и всемирного сбоя компьютеров, который предвещали средства массовой информации. Права оказалась не Лиза, а ее сестра, родившая второго ребенка незадолго до *миллениума*. Конец света, неоднократно ожидавшийся в течение последних двух тысяч лет, в очередной раз *отложили*. Зря Лиза так осуждала свою сестру за рождение второго ребенка. Детей все еще стоило рожать. Впрочем, Лиза *крейзи*, теперь ещё и на религиозной почве.

Глядя на гигантскую Эйфелеву башню, на которой в сгустившихся сумерках как-то особенно ярко пылала цифра «2000», я испытывала почему-то не восторг, как тогда, ярким солнечным летним днем впервые увидев творение Жана Эйфеля, а странное отвращение. К башне. К Парижу. К жизни вообще. Вот она, сбывшаяся мечта: одна в Париже. И что?

Ветер крутил обрывки бумаги по асфальту, на котором припозднившиеся негры разложили товар. Становилось прохладно. Я пошла обратно к гостинице, попутно читая на вывесках угловых домов названия улиц. То и дело повторялось «General». Улицы были названы в честь каких-то генералов. Чем отличились эти вояки, я не знала. Единственный генерал, чье имя мне что-то говорило, был Шарль де

Голль. Странно. Париж всегда казался мне городом трех мушкетеров, фиалок монмартра, миледи и кардиналов рিশелье, но не генералов. Впрочем, даже генералы не поколебали моей готовности любить его. Ведь любовь сидит не в том, *кого* любят.

У себя в номере я сделала приятное открытие – мини-бар, в нём множество маленьких бутылочек сока, вина и даже маленькая бутылочка шампанского, которую я и открыла, в надежде перебить непонятное отвращение, охватившее меня. Налив себе бокал, я набрала номер мамы.

– Мама! Я в Париже! Долетела отлично! В номере даже бесплатный мини – бар есть.

– Вот и хорошо, – сказала она. – Извини, я сейчас смотрю «Санта-Барбару». Спокойной тебе ночи.

И повесила трубку. Интересно, если бы меня пригрохнуло взрывом на «Пушкинской», она заметила бы? Но в одном я не сомневалась – если бы убили Круза или Иден, это была бы трагедия.

И тут я, вопреки *твёрдому* решению не звонить Стасу, *на автопилоте* набрала его номер. Есть ум? Но чего стоит ум, если отсутствуют тормоза...

– Да, – ответил безмятежный голос, каким могла бы разговаривать каменная глыба.

– Это я, – счастливым голоском пролепетала я. – Я в Париже.

– Ну, и как? – спросил он, почему-то ничуть не удивив-

шись.

– Что – как?

– Как твои поклонники?

– Какие поклонники?! Вокруг одни генералы, – ответила я с несвойственной мне игривостью, граничащей с идиотизмом.

– Выйди на Пикадилли, – посоветовал он.

Пикадилли... призадумалась я. *Разве это в Париже?*

– Непременно, – пообещала я на всякий случай.

Только повесив трубку, мне удалось выскочить из Бермудского треугольника, парализующего мои *временами* вполне дееспособные мозги. В них наступила ясность. Я поняла, что он перепутал пляс Пигаль и Пикадилли.

Утром я обнаружила, что из щели между минибаром и столом торчит краешек белой бумаги, которого вечером не заметила. Узенький листок оказался перечнем содержимого бара. *С ценами.*

Но всё равно, мое вчерашнее отвращение к жизни как рукой сняло. Яркое солнце заливало комнату. Я выпалась и была бодра, как никогда. Часы показывали 7:05 – можно идти пить кофе! Я резво вскочила с кровати, подошла к окну и выглянула наружу. Вдали – панорама утреннего Парижа. Вблизи – крыши, утыканные странными разнокалиберными бледно-рыжими глиняными цилиндрами. Что это, я не отгадала.

Наспех приняв душ, я аккуратно заправила постель и спустилась на лифте на подвальный этаж в кафе. Там изумительно пахло кофе и свежей выпечкой; луч солнца проник сквозь короткую тюлевую занавеску и нарисовал на чистом квадратном столике, за который я села, полоску света. Кроме меня завтракали, тихо переговариваясь между собой по-английски, в своём уголке, еще двое, мужчина и женщина.

Завтрак был *восхитителен*. Всё восхитительно, если ты *уже заранее* готов восхищаться. И кофе со сливками и свежее испеченные горячие круассаны с жидким шоколадом внутри. Ах!

Позавтракав, я с минуту поколебалась и всё-таки прихватила украдкой с собой круассан, попутно вспомнив статью, в которой перечислялось, сколько в русском языке синонимов у слова «украсть». *Стащить, стибрить*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.